

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ДВОЕ – ОДИН

Зинаида Николаевна Гиппиус

Двое – один

Аннотация

«Вертелся, вертелся – однако исключили из гимназии.

И так, ни из-за чего исключили. И гимназия у них частная, мирная, все «богатика» больше, и демонстраций никаких особенных не поднималось, раз единственный на седьмой класс нашло что-то (в воздухе уж, должно быть) – потянулись «митинг» устраивать, пели, орали, потом задержали – ну, пятнадцать человек сразу и вылетело. Уж очень директор напугался...»

Содержание

I. Исключили	4
II. Дом	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Зинаида Гиппиус

Двое – один

I. Исключили

Вертелся, вертелся – однако исключили из гимназии.

И так, ни из-за чего исключили. И гимназия у них частная, мирная, все «богатики» больше, и демонстраций никаких особенных не поднималось, раз единственный на седьмой класс нашло что-то (в воздухе уж, должно быть) – потянулись «митинг» устраивать, пели, орали, потом задержали – ну, пятнадцать человек сразу и вылетело. Уж очень директор напугался.

Владя сам удивлен, что пел и дерзил, и теперь выключен, как демонстрант. Дико, что из восьмого класса никого не выключили, а ведь если правду говорить – зачинщики-то они. Кременчугов, например, на этом их, семиклассников, митинге вступительную речь говорил. Владя помнит, что бесновался и аплодировал, и тут-то и нашла на него полоса до конца дерзить и петь, однако о чем, собственно, была речь Кременчугова – он не помнит, да и мало интересуется.

Кременчугов остался, экзамены теперь держит выпускные, – выкрутился чудом каким-то, а Владю исключили. Ну, да наплевать. Владе даже нравится, что Кременчугов так

ловко выкрутился. Он далеко пойдет. Чего ему из гимназии исключаться перед выпуском? Его, может, не в карцер, а в самую крепость посадят. Ему пока беречь себя нужно. А Владя и то ладно. Владя сознает, что у него нет никакого мужества, что он слаб, бесхарактерен и беспомощен. Решительно – декадент.

Генеральша довольнехонька, что Владю исключили. Хоть и частная гимназия, а все-таки добра нечего было ждать. Теперь без разговоров в Правоведение. Революция пошла, скажите, пожалуйста! Генеральша ничему не удивляется, но ничего и не боится, слишком ясно видит, что это блажь, которая рано или поздно уляжется, и все пойдет, как должно, как шло. Нечего обращать внимание. Надо о своем будущем думать. Владю с самого начала следовало отдать в Правоведение; это дядюшка Иван Федорович, покойник, тогда смутил. А Веру в институт, не оставлять дома с учителями... Впрочем, Вера не испортилась. Славная девочка. И красивая будет. Вера и теперь красивая, статная, здоровая. Владя, в свои семнадцать лет, цыпленок перед нею. Да это от гимназии. Слава Богу, выключили! Теперь с осени же в Правоведение.

А пока – пусть одумается, отдохнет. Генеральша сама не может всем домом с апреля перебираться в деревню, а Владю отправила. Если б это был другой мальчик, действительно какой-нибудь из нынешних, а деревня у них далекая, где, говорят, «аграрии» какие-то появились, – не отправила бы, подумала бы. Но Владя – мальчик нежный, художественный

(его склонность к литературе новейшей и искусствам генеральша благосклонно поощряет), надежный мальчик. Деревня же их – просто усадьба старая, в трех часах от Петербурга, земли – парк, лес да болота, сторож-управляющий – человек верный, мужики кругом тихие. Генеральша любит свою «дачу» и верит в нее.

Владя ужасно доволен. В два дня собрался.

– Что там делать-то будешь? – с усмешкой спросила Вера.

Владя посмотрел на нее, и так как они росли, точно склеенные, всегда вместе, и не могли расклеиться, даже когда начинали жестоко ссориться, – то он, едва взглянув, понял, что Вера ему завидует.

– Мне необходимо одиночество в природе, – сказал Владя грустно и немного торжественно. – Хочу обдумать кое-что. Да и успокоиться.

Вера опять усмехнулась.

– Очень ты взволнован тоже. Эх, черт! Ведь будь я даже не подросток, а взрослая девица, ведь и то бы мать не пустила меня одну в Медведкино! Досадища! Да ладно. Ты без меня, пай-дитя, все около дома будешь вертеться. В Калинкин лес и то побоишься одил сходить. Я приеду, тогда набродимся.

Владя хотел было рассердиться, но он был покорен и нежен, и, в сущности, сам любил гулять с сестрой. Она не всегда вела себя таким диким сорванцом. У них часто шли бесконечные разговоры. Владя ничего не скрывал от сестры, шел к ней со всем решительно, и вообще не представлял се-

бя без нее. Привычка.

II. Дом

На ночь глядя приехал в Медведкино.

Да какая ночь, – уж белые зародились, белые, зеленова-то-сумеречные.

Дом Медведкинский старый-престарый, и Владе такой знакомый, что каждое пятнышко на обоях он помнит, и где что когда было – помнит, особенно в «детских», наверху, – а вот каждую весну дом делается, когда приезжают, новым и таинственным, особенно прекрасным, потому что он особенно мил.

Теперь же, когда Владя первый раз приехал один, как совершенно взрослый и самостоятельный, да еще после «потрясений», – дом Медведкинский глянул на него невероятно значительно. И жутко и хорошо.

Жена сторожа Максима, черная, быстрая, поджарая баба, с высоко подоткнутыми юбками, а сама густо обвязанная платком, принесла Владе молоко в тепло-пахнущей крынке. Поставила на стол, на свежую, со слежавшимися складками, камчатную скатерть. Обещала самоварчик принести. Владя хотел было сказать, что не надо, – да уж все равно.

В полусумеречной столовой пусто, свежо и так странно тихо. Может быть, не совсем тихо, но сразу другие шумы, чем те, петербургские, и потому кажется тихо. В сад, в самую зелень, еще слабую и не густую, но всю трепетно-живую, ок-

но открыто. Оттуда пахнет своим: вечерним, весенним туманом ручьевым и молодой, только что растущей осокой. А в столовой, в доме, проспавшем зиму и просыпающемся, – домашней сыростью старого дерева пахнет, темным лаком мебели, вымытым чистым бельем, и еще чем-то знакомым, старинным и усыпляюще упоительным, чему, однако, нет названия.

Катерина принесла и самовар, большой, желтый, злобный, с сильным белым паром, который, шипя, полез прямо в потолок. И хлеб черный принесла, пахучий, много.

Владя сам решил, что он с собой из города никого не возьмет, никого ему не нужно, есть будет самое простое, что Катерина состряпает.

Говорить ему не хотелось, но Катерина не уходила, а осталась в выжидательной позе.

– Ну, что, как у вас? – сказал Владя.

– Да слава Богу, барин. Что у нас, – ничего. Все, слава Богу, тихо. Слышно, ныне везде народ дурит, а у нас пока ничего. Смирно. Живем. Ее превосходительство скоро прибыть намереваются?

– Скоро... А вот пока я...

– Что ж. Дело молодое, – сказала Катерина глупо. И, помолчав, продолжала:

– А вам завтрава, коли что, Маврушка сапоги почистит. Все равно так шатается.

– Какая Маврушка?

– Да Максимова племянника, из Нырков. Гостит она у нас. Мать прислала, чем, говорит, до свадьбы зря баловаться. Она за богатеющего мужика просватана, вдовый он, мельница своя. Он-то хочет до Петровок свадьбу справить, ну да там еще не наладили что-то, а ее пока к нам. Пусть поживет, ничего. С ребятами тоже помогает.

– Тетенька-а! А тетя! – вдруг закричал кто-то на дворе визгл и во-молодо.

Владя вздрогнул. И точно листья у окна, молодые и нежные, тоже вздрогнули.

– Ишь орет, невежа, – заворчала Катерина, повернулась торопливо и вышла.

Опять все человеческое умолкло, только пар шуршал, слабея, в саду тишина копошилась и звенела, в доме, в молочном мраке пустых и свежих комнат, потрескивала, оживая, мебель.

Владя вышел в большую гостиную. Там еще молочнее и затененнее, потому что белые занавеси спущены. Какое все странное и милое, когда никого нет, а за окнами ночь и весна! Владе кажется, что его тоже нет, а есть они, – старый дом, ночь и весна, – и они одни друг с другом. От этого Владе приятно и глупо захотелось плакать, и он, чтобы развлечься, пошел по всем комнатам. Поднялся и наверх. Вот здесь, направо, они спали с Верой вместе, когда были совсем маленькие.

А на площадке они играли вместе в куклы. Владя помнит,

как раз тут Вера нечаянно разбила одну, общую их любимицу.

Владя заплакал горько, а Вера села на приступочку и злобно задумалась. Потом вдруг вскочила и стала бить другие кукольные головы о перила лестницы. Владя кинулся к ней с ревом, но Вера все била и кричала:

– Не хочу же их, коли бьются! Не хочу любить куклы, когда они разбиваются! На же вот, на же вот!

Владя тогда из себя вышел, и они ужасно подрались. Владя даже одолел, и Вера стала реветь громче его самого. В конце их обоих одинаково наказали, но кукол как-то оба с тех пор возненавидели.

В иное вместе играли.

Вскоре потом Владя перешел в другую комнату, а детская осталась Верина. Эта другая – с балкончиком в сад. Тут Владя раз, давно, крыжовником объелся – целый день его наверх таскал. А в прошлом году уже старался на этом балкончике декадентское стихотворение сочинять – только ничего не вышло. Спать захотелось. В Петербурге лучше сочиняется гораздо. А здесь не то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.